

РОССИЯ, КОТОРУЮ МЫ ИЩЕМ

В первые годы существования постсоветской, постсоциалистической России, когда главная идеологическая задача состояла в оправдании самого факта разрушения коммунистической модели ее развития и необходимости перехода к новой форме социальной организации общества по готовым западным образцам, был популярен политический слоган “Россия, которую мы потеряли”, подразумевающий социально-экономические достижения России в начале XX века в результате Столыпинских реформ, до сих пор неоднозначно оцениваемых. Идеологический смысл приведенного слогана заключается в резко отрицательной исторической оценке Октябрьской революции 1917 года, якобы не только перечеркнувшей эти достижения, но и, как нередко можно услышать, помешавшей тому, чтобы сейчас первой державой мира была Россия, а не США. Данный тезис, в сущности, указывает на ее нынешний статус в качестве развивающейся страны и означает отсутствие четкого видения перспектив перехода в разряд передовых развитых стран. То есть в настоящее время он не выражает ничего, кроме безысходности. Следовательно, вполне уместен вопрос о том, в чем, собственно, выражаются российские реформы, кроме революционной смены форм собственности?

Однако на фоне достаточно выраженной социально-экономической стабилизации России за период двухтысячных годов при сохранении недостаточной целевой определенности ее дальнейшего развития просматривается возможность дополнения вышеназванного политического слогана другим – “Россия, от которой мы отказались”, предполагающим указание на то, что за время социалистических преобразований она стала великой мировой державой, одержавшей множество побед в разных сферах

общественной жизни, отрицать которые невозможно. Единственное, чем их пытаются принизить, это высокой ценой, но, как известно, вопрос о цене победы может рассматриваться только вместе с вопросом о цене поражения.

В мире, кроме России, пожалуй, нигде не было полного изменения социальной системы. Россия это переживает уже вторично, причем изменения происходят в короткие сроки, по существу одномоментно. При этом первый раз (1917) было трудней и болезненней политически, но проще экономически, потому что объем промышленной собственности был не так велик, а ликвидация помещичьего землевладения давно назрела. Второй раз (1991) проще оказалось политически, но сложнее экономически, в связи с разгосударствлением промышленной собственности, которую создавал действительно весь народ, и никаких “бывших” хозяев не было. Ее раздел никак не мог быть упорядоченным в том смысле, чтобы быть именно разделом, а не завладением.

Таким образом, если уж учиться у истории, так у всей в целом, а не по выборочным отрезкам и произвольно выдернутым событиям. Самое главное – знать, что мы хотим, и тогда, опираясь на весь опыт истории, мы найдем образ России, которую ищем. Сейчас именно эта модель отсутствует, а имеется только идеологическое клише – могучая, свободная и т. п. Этого недостаточно. Надо конкретизировать желаемую модель (по устройству экономики, политики и т. д.), которая установится надолго. Пока что просматривается очень смутный образ, подобно тому, как на фотобумаге начинают проявляться размытые контуры отснятой картины.

Кроме этого, надо определиться, в каком мире мы хотим жить. Но мир мы не можем устроить по своему желанию, значит, надо строить модель России, адекватную этому реальному миру.

Россия по своей социальной структуре вернулась к докоммунистической модели с абсолютным преобладанием роли двух составляющих – крупных собственников и крупных чиновников, взаимное блокирование и одновременно смычка которых являются

главным препятствием российской модернизации. В России никогда не было, нет и, в обозримом будущем, не ожидается появление среднего класса, состоящего из мелких собственников всех видов собственности и составляющего большинство населения, тем более в его классической формуле – 10 процентов богатых, 10 процентов бедных и 80 процентов среднего класса, составляющего основную социальную силу.

Вопрос о соотношении эффективности производства на основе частной и государственной собственности исторически решился в пользу частной собственности. Однако, во-первых, теоретически это никак не обосновано, кроме малоубедительной ссылки на фактор мотивации, а во-вторых, нет оснований для универсализации данного положения и исключения возможности исчезновения частной собственности в будущем, поскольку сама собственность есть всего лишь историческая форма реализации всеобщего фундаментального социального отношения “цель–средство”.

Дело в том, что понятие эффективности производства следует рассматривать двояко – в контексте материально-предметной деятельности вообще, то есть как процесс обмена веществ между обществом и природой, и как характеристику обмена между людьми результатами своей производственной деятельности.

В первом случае производство изначально неэффективно, что выражается в постоянном опережении массы производимых ресурсов жизни массой ресурсов, затрачиваемых на их производство, при абсолютном росте того и другого. Ключевым здесь является понятие техносоциальной формулы общества, физический смысл которой состоит в том, что обществу, как совокупности людей, требуется большее жизненное пространство, чем то, которое оно в состоянии создать, то есть нужна большая масса ресурсов жизни, чем та, которую люди могут произвести. Иначе: масса прожитой (сохраненной) жизни требует большей массы расходуемой жизни. Созданная за всю историю человечества масса ресурсов жизни не обеспечила и не могла обеспечить его всеобщего выживания,

понимаемого как полное проживание жизни всеми членами совокупного населения.

Во втором случае эффективность производства, как соотношение полученного результата и затрат, может иметь положительное или отрицательное значение, быть большей или меньшей в рамках обмена между людьми результатами их деятельности, в зависимости от соотношения масс получаемых и отдаваемых ресурсов жизни. Иначе говоря, во втором случае эффективность производства выступает как показатель сугубо социального взаимодействия, как выражение борьбы за существование, за место в социальном пространстве.

Таким образом, дискуссия о перспективах российского развития, в том числе о продолжении реформ в экономике и об оценке экономической роли государства, в чисто теоретическом плане совершенно бесплодна. Здесь важно понять, что ни единой целевой модели России, являющейся результатом всеобщего согласия, ни единственно правильной модели, объективно заданной самой социальной реальностью, нет и не может быть в принципе. Реальная общественная деятельность с той или иной степенью опосредования всегда остается борьбой за существование и никогда не подчинена поиску некой истинной и справедливой системы общественных отношений. Никто не знает, как должно быть правильно устроено общество, потому что такой правильности нет объективно; немногие знают, какое устройство им выгодно, но все хотят, чтобы им жилось хорошо. Действительная социальная борьба ведется между указанными выше немногими, из которых побеждают те, кто сумеет привлечь больше людей на свою сторону. И ничего, кроме этой борьбы за существование, в обществе нет. Тем не менее, она объективируется тем, что ведется не только внутри общности, но и вне ее, то есть с другими общностями. При этом условия внутри общности определяются ее положением в системе межобщностных отношений, особенно в условиях их глобализации. Следовательно, борьба за устройство общности определяется интересами в единстве

внутриобщностного и межобщностного расклада социальных сил. В итоге любая целевая модель российского развития всегда будет иметь в своей основе какие-либо конкретные социальные интересы, не имеющие статуса общероссийских. Объективно всеобщей можно признать лишь модель, направленную на сохранение России как таковой, но она оказывается чересчур текучей для того, чтобы ее можно было зафиксировать в качестве конкретной целевой модели.

Получила широкую известность социально-экономическая инициатива в Швейцарии, предусматривающая выплату каждому гражданину безусловного основного дохода, независимо от того, работает он или нет, в размере примерно 2000 евро в месяц. Эта гипотетическая социальная модель получила название швейцарского коммунизма и вызвала ряд откликов по двум основным направлениям. Первое, сугубо практическое, касается реальной экономической возможности такого общественного мероприятия в настоящее время. По некоторым расчетам в том или ином приближении к провозглашаемым показателям оно представляется достаточно реалистичным. Второе относится к анализу возможных социально-экономических последствий такой общественной реформы, которые, прежде всего, связаны с ее неизбежным влиянием на мотивацию производственного поведения людей и вызывают опасения по поводу ее негативной динамики как в области предпринимательской деятельности, так и с точки зрения отношения к труду вообще. Эту когда-то абстрактную проблему проанализировал еще К. Маркс и связал ее решение с научно-техническим прогрессом, позволяющим превратить труд в первую жизненную потребность, то есть в свободную деятельность, доставляющую наслаждение.

Как известно, понятие коммунизма предполагает точное определение того, *что* надо человеку в жизни, в том числе – *какие* отношения ему нужны? Исторически возможно представить дело таким образом, что материальное изобилие и социальная справедливость по меркам первой половины 19-го века не кажутся

фантастическими и могли быть обеспечены на практике. Однако сейчас утопичность модели коммунизма очевидна. Соответственно, возникают, по крайней мере, два принципиальных вопроса:

1. Каковы рационально обосновываемые программные положения современных коммунистов и социалистов?

2. Какие еще социальные утопии могут быть?

В рамках признания методологии техносоциальной формулы общества модель “швейцарского коммунизма” осуществима только в лидирующих странах за счет дополнительного источника ресурсов жизни, получаемых в процессе неэквивалентного обмена. Иначе говоря, коммунизм такого рода достигается в одних общностях при неизбежном разорении других, пусть даже в самой опосредованной форме. В связи с этим, значительный интерес вызывает программная модель китайского руководства, поставившего конкретную задачу построения в Китае общества среднего достатка.

При всех качественных и количественных различиях данных социальных моделей нельзя не увидеть их принципиального единства, заключающегося в том, что их практическая реализация означает относительность социальной дифференциации в том смысле, что обеспечивается возможность всеобщего выживания людей вне зависимости от их различий по степени социальной активности. Но, подчеркнем еще раз, такое общественное состояние доступно только на основе информационно-технологического лидерства. Тем не менее, социальная дифференциация и здесь остается непреодоленной, она лишь переходит на другой уровень разделения людей. Возможность всеобщего выживания, во-первых, не ограничивается полным проживанием всей генетически заложенной жизни, а включает стремление к преодолению смерти как таковой, в чем, безусловно, люди не могут уравниваться в принципе; во-вторых, возможность всеобщего выживания имеет не только временное измерение, но предполагает и определенное содержание, его конкретно-историческое предметное наполнение, по которому равенство также недостижимо. Следовательно, борьба за выживание

это борьба за сохранение объема жизни, а не просто за существование, – богатые люди тоже борются за выживание. Таким образом, в рассмотрении социальной дифференциации следует различать ее внутриобщностные и межобщностные проявления, а также учитывать их взаимовлияние друг на друга.

С позиций возможности всеобщего выживания, как интегрального показателя уровня общественного развития, можно сказать, что в лидирующих общностях государство имеет социальный характер, и само общество в них по своей природе социально. В России после падения коммунистического режима сложилось асоциальное общество, преобразование которого в направлении возвращения гуманистических ценностей и нормативов, движения к социальному обществу составляет сущность ее прогрессивного развития.

Лидерство, как источник дополнительного ресурса жизни, осуществляется в разных исторических формах. Как правило, это было в виде завоеваний и непосредственного насильственного изъятия ресурсов в том или ином предметном выражении, вывоза рабочей силы, либо в виде принудительного труда на самой завоеванной территории. В современных условиях глобализации принудительный характер отчуждения лидерами дополнительного ресурса жизни остается, но меняется его форма, которая состоит в получении прибавочного продукта в ходе неэквивалентного обмена результатами жизнедеятельности технологических лидеров с аутсайдерами. Уже не надо захватывать рабов, завоевывать территории и с помощью надсмотрщиков вести колониальное хозяйство, надо только обеспечить политический контроль над общностью—потенциальным донором, а дополнительный ресурс жизни она отдаст сама, будучи включенной в глобальную систему разделения труда. То есть на смену внеэкономическому принуждению (непосредственному насилию) приходит экономическое и даже постэкономическое (опосредованное насилие), что можно определить как установление информационно-технологического колониализма. Если же в интересующей лидеров общности установится режим,

вознамерившийся вести политику, не вписывающуюся в установленные рамки, то насилие, в том числе и непосредственное военное, по отношению к такому режиму последует незамедлительно.

Россия в своей истории иногда была лидером в каком-либо отношении, но никогда не использовала свое лидерство в качестве источника дополнительного ресурса жизни. В современной мировой ситуации лидерство без такой функции теряет смысл, потому что вне глобального разделения труда и без неэквивалентного обмена ресурсами оно просто невозможно.

Главная проблема России – отсутствие единой для всех системы ценностей и нормативов как устоявшегося стержня культуры и внутреннего состояния. В отсталых странах борьба за существование естественна, ей соответствует и система ценностей и нормативов. По объективным условиям в реальной жизни России идет такая же борьба за существование, но ей придается некая цивилизованная оболочка: внешнее осуждение при внутреннем безразличии. Бытует расхожий тезис о том, что русский народ чрезмерно терпеливый, но когда его терпению приходит конец, он взрывается, и его трудно, или даже невозможно, остановить. В действительности русские люди просто хотят жить так же, в крайнем случае, не хуже, чем живут люди в передовых странах, то есть в условиях всеобщего выживания. Но таких условий в России никогда не было, нет, и не будет до тех пор, пока она не обеспечит своего технологического лидерства как дополнительного источника ресурсов жизни.

Российский бизнес не инвестирует средства в развитие общественного производства, но охотно инвестирует их в недвижимость, о чем обычно говорят отрицательно, а также часто и, наверное, много вкладывается в искусство, церковные храмы и какие-либо иные общественно значимые сооружения и мероприятия, о чем принято говорить положительно. Богатые люди с энтузиазмом создают различные коллекции, и это восторженно преподносится обществу как благородное дело, продолжение лучших традиций прошлого, вклад в дело духовного развития соотечественников и т. д.

Трудно судить о том, в каком соотношении здесь представлены бескорыстие и трезвый расчет, в том числе и просто материальная выгода, получаемая в той или иной форме, тем более нельзя отрицать положительного общественного эффекта как такового. Но можно надеяться, что когда-нибудь будет дана принципиальная историческая оценка происхождения частного богатства в России (в оптимальном соотношении пристрастия и беспристрастности), которая не ограничится лишь констатацией того, что это свершившийся факт и необратимый процесс социальной реальности и не подсластится другим фактом “заботы” о сохранении и возрождении национального духовного достояния, морально отмывающим материальное частное богатство.

Данную мысль невозможно подкрепить конкретными именами, цифрами и процедурами, потому что отсутствует систематизирующая широкоформатная статистика, позволяющая более предметно рассмотреть эту социальную коллизию.

При этом нельзя не увидеть исторической справедливости в том, что, во-первых, растаскивание общественного богатства было неизбежным процессом в обстановке хаоса борьбы за власть, накрывшей общество мутной волной и вызвавшей к жизни разного рода ловцов и рыцарей удачи, оказавшихся в нужном месте в нужное время. Иначе говоря, не те, так другие..., но общественное богатство было обречено на частный раздел, в котором бессмысленно искать общественную необходимость, правила и справедливость, в том числе и дьявольский умысел некоего гениального злодея. Как в 1917 году падающую власть надо было только перехватить, так и в начале 90-х оставленную без надзора собственность надо было только прибрать. Во-вторых, надо отдать должное всем этим ловцам и рыцарям в том плане, что это активные действующие субъекты, не ждущие, когда богатство само упадет им в руки. Сложившаяся в России ситуация с несправедливостью общественного разделения во многом объясняется социальной инертностью большинства простых людей, приученных к доверию власти и потому легко обманутых.

Различные модели экономического и социально-политического устройства представляют собой разные технологии регулирования общественных процессов. Они не показывают некую целевую модель общества, а просто предполагают определенную технологию жизнедеятельности в окружающей социальной среде: взаимодействие одних фирм с другими, фирм с государством, государств друг с другом и т. д. Разумеется, основание фирмы, образование государственного союза, разделение государства и т. п., – все это совершается с определенной целью, но все это цель жизнедеятельности конкретных субъектов (хозяев, менеджеров, чиновников, политиков и пр.), тогда как вопрос о жизни исполнителей—участников деятельности в качестве ее цели не ставится.

Различные экспертные сценарии и прогнозы общественного развития основываются, главным образом, на текущей статистике и исторических аналогиях. Сами по себе они не являются и не могут быть целью социально-научного анализа как такового, они являются таким же технологическим средством социальной борьбы, как и программно-целевые установки, служат их идеологическим обоснованием.

Социальные системы, в отличие от организмических, не целостны в том отношении, что составляющие их элементы, движимые свободой воли и собственными интересами, складываются в единое целое только в результате централизованного управленческого насилия и при включенности в более широкие системы социального взаимодействия. Наиболее показательны в этом плане воинские и спортивные команды, которые вне противостояния другим командам и без единоначального управления лишены оснований своего существования.

Управление Россией складывается из совокупности мероприятий, каждое из которых направлено на удовлетворение определенного группового или даже индивидуального интереса. Из неоднородности социальной структуры общества вытекает конфликт интересов, выражающийся в конфликтности принятия

управленческих решений. Не будет преувеличением сказать, что конфликт интересов в России приобрел всеобщий характер. Следовательно, объективно складывается множество различных и даже антагонистических моделей развития России, но за этим хаотическим рядом не просматривается модель развития России как таковой. Партий много, а национального проекта нет, отсутствие которого не позволяет определить четкую и понятную долгосрочную стратегию. Морализаторство по этому поводу нужно, но без принуждения здесь не обойтись, в первую очередь, в направлении пересмотра распределения общественного продукта. Вместе с тем, есть основание предполагать, что в существующей социальной реальности это невозможно.

В абстрактной либеральной модели государство ограничивается регулированием отношений свободных людей, то есть следит за соблюдением правил игры, которые само устанавливает. Но поскольку социальная гармония невозможна по техносциальной формуле общества, постольку государство является либо орудием в руках какой-то одной господствующей социальной силы, либо оно само становится хозяином, распорядителем общества в качестве такой силы. Диапазон положения государства между этими крайностями определяется местом общности в системе межобщностных отношений.

В социальном познании всегда была актуальной проблема определения регулирующей роли государства в экономике. Государство в качестве собственника–производителя представляет собой бесконтрольного высшего монополиста, не имеющего в своем производственном функционировании ни объективно заданных целевых ориентиров в силу неспособности обеспечить всеобщее выживание и преодолеть социальный антагонизм, ни личной мотивации функционеров по причине их отчужденности от средств производства, – в этом качестве оно изначально неэффективно. Государство может эффективно осуществлять регулирующую функцию в экономике только в рамках и в связи с межобщностными

отношениями борьбы за существование, когда его функционирование направлено на достижение общностью лидерства в окружающей социальной среде и получение дополнительных ресурсов жизни из взаимодействия с другими общностями. При субъектном отсутствии или объектной невозможности реализации такой направленности регулирующая роль государства в экономике сводится к коррупции.

Борьба за существование имеет всеобщий характер и ведется на всех уровнях социальной организации. В зависимости от уровня развития общности она может быть в большей или меньшей степени опосредована общественными институтами, прежде всего, государством, а также всей системой ценностей и нормативов, установившихся в историческом процессе продолжительной совместной жизнедеятельности людей. О характере борьбы за существование, в частности, можно судить по особенностям и объему преступности. Идеальным общественным состоянием можно признать такое, когда борьба за существование велась бы исключительно на конкурсной и состязательной основе, как это принято в творческой и спортивной областях. Однако, как известно, даже сами спорт и творчество еще далеки от идеалов равенства и справедливости в определении мест в иерархии победителей и побежденных. Что же, тогда, требовать от людей, изначально вынужденных участвовать в гонке, в которой итоговой ставкой является сама жизнь?

Применительно к современной российской действительности в вопросе о характере и степени напряженности борьбы за существование на первый план выходит регулирующая роль государства, призванного обеспечить недопустимость любых форм злонамеренного воздействия на людей с целью угрозы их жизни и вреда здоровью, отчуждения собственности и нанесения морального ущерба. Только при последовательном и неукоснительном соблюдении этого условия можно надеяться на формирование устойчивой системы ценностей и нормативов как элемента общественной культуры и внутреннего состояния людей,

удерживающих их от стремления к непосредственному превращению друг друга в средство собственного существования. Конечная цель здесь состоит в том, чтобы каждая человеческая жизнь стала общественной ценностью.

Но, как уже говорилось, такое положение возможно только в развитых общностях, способных за счет своего лидерства получать дополнительные ресурсы жизни из неэквивалентного обмена результатами жизнедеятельности с другими общностями, объективно являющимися донорами, поставщиками этих дополнительных ресурсов, и тем самым обеспечить свое внутреннее единство. Общепринятая система ценностей и нормативов формировалась в них длительный период и закрепились в общественном сознании, поскольку является более комфортной и результативной для совместной жизни людей. Однако в процессе глобализации эта устоявшаяся система все более размывается, кризисные явления подрывают лидерские позиции многих развитых стран и все более разопосредуют в них борьбу за существование. Лидеры перестают быть образцом в организации общественной жизни, в том числе и в организующей роли государства.

Власть персонифицирована, она всегда представлена определенной группой людей, само существование и распорядительность которых обеспечены материальной защитой в виде физического ограждения и вооруженной охраны. Коридоры власти и вообще пространство ее обитания закрыты для улицы. При отвлечении от мифологических, особенно от сакральных, представлений о власти как органа служения народу, остается ее понимание как особого способа существования людей во всех его проявлениях, отличающегося от других способов всеобщей публичностью и максимально возможной распорядительностью, а в конечном счете, высшей степенью выживания. Власть это всегда желанное, хотя и тяжелое, бремя, требующее особых качеств для его получения и удержания. Поэтому борьба за власть – самая изощренная, жестокая и бескомпромиссная

борьба за существование. Ее никто не отдает добровольно, не делит и не получает без силового напряжения.

Смена власти, будучи сменой правящей команды, происходит либо по закону, будь то механизм монархического наследования или система демократических выборов, либо вне закона в виде дворцового переворота, военного мятежа или всеобщего восстания. Можно сказать, что форма смены власти характеризует устойчивость развития общности. Современная Россия в этом плане испытывает дефицит системной преемственности власти. Она была устойчивой общностью на основе жесткой вертикали власти, представленной двумя историческими формами – феодально-монархическим абсолютным самодержавием и партийно-коммунистическим демократическим централизмом. Западный буржуазный демократизм на российской почве пока что не обеспечивает преемственности власти и, следовательно, устойчивости в общественном развитии в целом. Отсутствует целостность властного механизма именно по линии сверху вниз, нет согласованности полномочий на разных его уровнях. Непреодолимой на нынешнем этапе причиной этого является глубокая социальная дифференциация общества. Не может быть единой системы власти в условиях социального антагонизма.

В демократическом обществе власть функционирует, как одна команда, разделенная на полевых игроков и запасных, периодически меняющихся местами в результате выборов. Эта команда сама формирует выборные механизмы, призванные реализовать долгосрочность ее власти. Регулируемость современных систем выборов в развитых западных странах обеспечивают степень режимной преемственности власти, сопоставимую с преемственностью монархического престолонаследия. Вместо выражающих волеизъявление граждан на политической сцене появляется массовка программируемого электората. В этой постмодернистской демократии постиндустриального общества простые люди выводятся за скобки политики, как это когда-то было в феодальном доиндустриальном обществе.

Демократия, как необходимый результат исторического развития и завоеванная ценность, в современном глобальном обществе все чаще дает сбои в качестве средства управления в тех странах, где она зарождалась и прогрессировала. Однако в условиях глобализации демократия обретает второе дыхание в качестве эффективного средства подчиняющего воздействия со стороны мировых лидеров на весь остальной мир. Внедренная в развивающиеся страны демократия, как правило, перерастает в самую ее примитивную и извращенную форму – в уличную демократию, управляемую силой прямого действия, с помощью которой обеспечивается установление в них удобных для лидеров режимов. Но практика показывает тенденцию к выходу этой социальной стихии из-под контроля и угрозу захлестывания ею лагеря самих мировых лидеров.

Становится заметной интеллектуализация российской политической сферы, которая уже не ограничивается простыми силовыми решениями, циничными политехнологиями и черным пиаром, а все чаще демонстрирует диалог власти и экспертного сообщества, пролонгированный в диалоге с обществом в лице творческих и профессиональных союзов, любительских объединений, интернет-среды и т. п.

Применительно к современной России очень актуально понимание гражданского общества, но главный момент здесь состоит не в том, что она недавно перешла от тоталитарного общества к демократическому, а в том, что она стала демократической, но модель ее социальной организации не вполне сформировалась. Государство недостаточно регулирует отношения с точки зрения неукоснительного соблюдения законности и справедливости. Формирование новой социальной структуры российского общества состоялось, состав основных социальных групп зафиксировался, и каналы для продвижения представителей нижних слоев на верхние уровни социального пространства полностью заблокированы. Стать новым крупным собственником при последовательном выдерживании принципов законопослушания теперь практически невозможно;

вхождение в политику и топ-менеджмент даже при наличии высоких показателей компетентности без личной поддержки (покровительства) крайне затруднительно и зачастую опасно; аналогичные условия действуют в сфере свободных профессий; жизнь наемных работников определяется волей работодателя; функционирование всякого рода индивидуальных предпринимателей и производителей зависит от властных возможностей и степени корыстолюбия чиновников. Гражданское общество в современной России – это просто люди, предоставленные самим себе, и говорить о реальном становлении гражданского общества, состоящего из лично свободных и независимых друг от друга людей, связанных единым интересом свободы и независимости всей страны в ее включенности в окружающий мир, в данном случае, пока еще очень проблематично. Но это тем более необходимо в той мере, в какой необходимо осознание принципиального положения о том, что без обновления большинства сфер общественной жизни у России нет будущего.

Пессимизм в рассмотрении будущего России имеет объективные основания. Но это будущее не приближается в виде предустановленной заготовки, оно конструируется и выстраивается самими людьми в соответствии с их целями и волей. Формирование единой национальной идеи позволит обоснованно верить и надеяться на возможность реализации оптимистических сценариев в дальнейшем ходе российской истории. Оптимистическое видение России концентрируется в тезисе о том, что она находится в фазе подъема, а Европа в фазе упадка. Более того, учитывая тенденцию к всеобщему разложению в значительной части окружающего мира, нет оснований отвергать с порога иллюзию об особой миссии России как носителя исторической справедливости, что может рассматриваться и как основание патриотизма, любви граждан к своему Отечеству. Однако дефицит социальной справедливости внутри самого российского общества вызывает возмущение и закономерно подавляет этот мессианский порыв.

Патриотизм складывается из двух основных составляющих – понимание своей общности как единого “мы” и осознание своей принадлежности к ней и ответственности за нее. Сначала возникает вопрос “кто мы?” – это вопрос самоидентификации, за ним возникает второй вопрос “что мы хотим?” – вопрос самоопределения. Это является первым и главным пунктом идеологии новой России, определяющим ее систему ценностей и нормативов. Единое “мы” предполагает единство территории, языка, культуры, но главное – единство духа как общего стремления и порыва к общей цели.

Национальная идея представляет собой не идущий снизу, из глубины масс порыв к общему согласию и единению, а провозглашенный сверху лозунг, выражающий целевую модель устойчивого развития общности на далекую историческую перспективу. Эта модель не может быть безоговорочно принята всеми членами общности, потому что не совпадает с текущими жизненными интересами и эгоизмом определенной ее части и, как правило, требует высокую цену за свое воплощение, но объективно выражает всеобщий интерес выживания самой общности. Следовательно, национальную идею недостаточно провозгласить, ее реализация требует воли, преодолевающей эгоистическое несогласие и подавляющей его деятельностное выражение. Национальная идея будет тем более мобилизующей, чем в большей степени будет оправдывать конструктивное насилие от своего имени.

Таким образом, самая трудная задача в формулировании национальной идеи состоит в определении ее практического содержания, то есть в выработке самой целевой модели, объективно выражающей всеобщий интерес выживания общности. Национальная идея это проект, здесь ошибка, действительно, будет хуже преступления. Понятно, что речь не идет о нахождении некоего объективно заданного решения, поскольку самой объективной заданности сценариев социальной жизни не существует. Речь идет об удовлетворении национально-всеобщего эгоистического интереса общности в утверждении своего устойчивого существования во

взаимодействии с другими общностями, в пределах разумности и достаточности противопоставления, не позволяющего окружающему миру объединиться против данной общности с целью ее подавления или даже уничтожения.

Последнее время стало чуть ли не правилом проводить исторические параллели, искать некий единый алгоритм социальных процессов разных эпох с тем, чтобы провозглашать необходимость извлечения уроков истории, и сетовать на то, что этих уроков никто не извлекает. В этом отношении типично рассмотрение кризисных явлений в современной России в их сопоставлении с событиями крушения российской империи и Советского Союза. Безусловно, какие-то общие черты присущи этим процессам, но главное в том, что их участники – живые люди, действующие в конкретной социальной ситуации, единственной и уникальной, независимо от степени сходства с ситуациями иных времен и обстоятельств. Единственность и уникальность заключаются не в ситуациях, а в самих людях, их создающих, в их собственной эгоистической человеческой неповторимости, определяющей общественное поведение, идущее вразрез с уроками прошлого. Это нормально, что люди не извлекают уроков из истории, это ее единственный возможный урок.

Следовательно, проблема школьного учебника истории это не теоретическая, не научная проблема, а социально-идеологическая. Говорят об отсутствии идеологии, но дискуссия по учебнику истории есть чистейшей воды идеологическая борьба. Ситуация с учебником отражает реальную политическую ситуацию, которая состоит в том, что в России до сих пор нет экономического, социального, политического и идеологического единства, понимаемого в данном случае не как абсолютное всеобщее согласие, которое невозможно в принципе, а как целостность общества, поддерживаемая существенным преобладанием какой-либо социальной силы, определяющей развитие всего общества в долгосрочной исторической перспективе.

Судьба России – это судьба конкретных живущих на ее территории людей, их будущее место в социальном пространстве, принадлежность к какой-то более широкой общности и роль цели или средства в системе отношений с другими людьми. В изолированном состоянии Россия не получает долгосрочную историческую перспективу. Переживаемый ею системный кризис совпал с переходом от одного технологического способа жизни к другому. Многие в этом случае определяются глобальными общемировыми процессами, закрыться от отрицательного воздействия которых невозможно, потому что для автономного материально-технического развития на передовых позициях объем современной России недостаточен. Замкнуться под лозунгом самодостаточности на уровне ценностного минимализма собственной жизни уже не захотят сами люди, а также не позволит окружающий глобальный мир.

Жизненную основу организма составляет заложенный в нем генотип, действие которого проявляется на всем протяжении существования. В основе социального организма тоже лежит некий генотип, разворачивающийся по мере исторического развития общности. Он имеет духовную природу, отражая объективные условия материального существования общности. В качестве такого генотипа России можно рассматривать доминирующую идею в российском (русском) общественном сознании, которой всегда была идея державной государственности. В соответствии с ней государственник – это человек, для которого служба во всех отношениях составляет главный жизненный интерес в единстве ответственности и привилегий в соответствии с уровнем служебной компетенции.

Россия не развалится уже потому, что ни одна ее часть не может существовать самостоятельно и не быть включенной в какую-то более крупную общность. Существующая объединенность остается самым жизнеспособным вариантом социальной целостности для всех. Тезис о том, что Россия не распадется, следует понимать не в том смысле, что этого не может быть в принципе ни при каких

обстоятельствах. Исторический процесс ускоряется за счет ускорения темпов материально-технического развития, а периодическая смена технологических способов производства (технологических укладов) переходит в непрерывный инновационный процесс. Поэтому и перекраивание карты мира перестает быть чередованием кризисных точек исторического развития (от одной войны до другой) и становится похожим на ритмичную пульсацию разделения и поглощения структур живой ткани.

После развала СССР, не обусловленного разорением и хаосом, а явившегося результатом сознательного решения, Россия унаследовала его главный производственный и военный потенциал взаимодействия с окружающим миром, позволяющий самостоятельно определять способ своего существования. Поэтому само по себе событие крушения СССР не вызвало глобальных катастрофических последствий. Однако на протяжении 90-х годов в России наблюдалась внутренняя социальная эрозия, неуклонно ведущая к вопросу о необходимости постановки под внешний контроль или самоликвидации ее военного потенциала как угрозы мировому сообществу по причине постоянного снижения управляемости им в рамках сохранения разумной достаточности для обеспечения собственной безопасности. Последующие 10 лет внутреннее положение России постепенно стабилизировалось, но не настолько, чтобы она могла гарантированно обеспечивать сохранение своей целостности перед лицом внутренних и внешних вызовов. Угроза разрушения страны отработанным методом погружения ее в хаос остается на повестке дня. Однако потенциальная энергия социального тела России слишком велика для того, чтобы она могла разрушиться так же без катастрофических последствий для окружающего мира, как это случилось с СССР. Иначе говоря, с позиций здравого смысла никто не может быть заинтересован ни в хаосе России, ни в доведении ее до отчаянного решения в выборе средств самозащиты. Ответственность и компетентность, соизмеримые со степенью всеобщей опасности в случае выхода за границы допустимой

турбулентности, необходимо обозначают осознание предела хаоса в России. Но эта база противостояния социальной деконструкции имеет ограниченный ресурс и постоянно подвергается коррозии. Из этой исторической ситуации неустойчивого равновесия есть два альтернативных пути – медленного умирания или стремительного возрождения.

Неизвестное будущее России находится между желаемым и пугающим. То и другое рисуется в сознании разных групп людей с противоположным знаком. При оптимистическом взгляде на будущее России важно давать себе отчет в том, что ей предстоит долгий путь движения к некоему желаемому состоянию. Нет оснований для обнадеживающего заявления о приближающихся позитивных переменах в жизни простых людей, подобного мифологической программе строительства коммунизма образца 1961 года, предусматривающей, что “нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме”. Однако долгий путь социальных ожиданий опасен возможностью загнивания, противодействием которому может стать очищающий рывок. Но рывки невозможны без жертвоприношения, решиться на которое очень трудно. Наверное, в том и состоит тяжесть исторического выбора современной России. Самый главный вопрос текущей повестки дня российской политики – каков источник роста России? Сегодня определенного ответа на него не знает никто, но росту нет альтернативы. На методологическом уровне ответ понятен – лидерство как источник дополнительного ресурса жизни.